

Лишь на третий день Государство Ляо согласилось уступить. Вовсе не потому, что в них проснулась совесть и они перестали бесстыдно валить всю вину на Великую Сун, а оттого, что на Северо-Западном фронте Армия Сун совершила ночную вылазку, внезапно атаковала лагерь Ляо и одержала грандиозную победу. Государство Ляо внезапно осознало, что расположенное к югу Государство Сун, возможно, далеко не так слабо, как им казалось. Двадцать лет назад эта страна уже наносила им поражение.

Переговоры были не того уровня, чтобы Тан Шэнь мог в них вмешиваться. Лишь на то, чтобы заставить Ляо признать собственную вину, ушло три дня — и бог весть сколько солдат Великой Сун заплатили за это своими жизнями.

Тан Шэнь стоял в комнате, слушая, как Мэн Лан и Юй Чаошэн озвучивают эти цифры.

Эти цифры казались лишь сухими, холодными строчками, но за каждой из них крошилась живая человеческая жизнь.

Великая Сун была богаче Ляо и могла позволить себе затяжную войну. Однако солдаты Великой Сун значительно уступали воинам Ляо, закаленным в непрерывных степных походах. У них водились деньги, но война — это не просто состязание кошельков, это еще и проверка настоящей военной мощи.

Тан Шэнь слушал, вникая в каждое слово. Его взгляд оставался спокойным и отстраненным, пока он незаметно подмечал каждое движение и мимику Елюй Ханя и его спутников.

Во второй половине дня один из служащих выкликнул Тан Шэня из комнаты. Выйдя во задний двор Ямыня Приказа ритуалов, Тан Шэнь увидел, что Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ уже ждет его там.

Тан Шэнь поспешил навстречу и склонился в поклоне:

— Ваш покорный слуга Тан Шэнь приветствует генерала Ли Цзиндэ.

Они не виделись всего несколько дней, но на подбородке Ли Цзиндэ уже пробивалась темная щетина — похоже, он вновь вознамерился отрастить пышную бороду.

Ли Цзиндэ сказал:

— Господин Тан, к чему эти церемонии между нами? Я пришел сегодня, чтобы поблагодарить тебя. До этого тебе пришлось возиться со мной, так что я лишь обузой тебе был. Завтра я возвращаюсь на Северо-Запад, и если бы не пришел сегодня, то другой возможности отблагодарить уже бы не выпало.

Тан Шэнь удивился:

— Ли Цзиндэ возвращается на Северо-Запад?

— А как же. Под стенами города Ючжоу Армия Ляо проявляет недопустимую активность, мне непременно нужно быть там.

Ли Цзиндэ рано или поздно все равно уехал бы, но Тан Шэнь не ожидал, что это произойдет так скоро. Ему было любопытно, о чем именно Чжао Фу говорил с Ли Цзиндэ в ту ночь на Террасе Восхождения к Бессмертным, однако расспрашивать он не мог. Тан Шэнь произнес:

— В таком случае пожелаю Ли Цзиндэ благополучного пути.

Ли Цзиндэ взмахнул рукой и усмехнулся:

— Ха-ха, спасибо на добром слове! Кстати, я тут слышал, будто господин Тан весьма богат?

Тан Шэнь насторожился, не понимая, к чему собеседник завел этот разговор.

— Не опасайся, я просто к слову. Сколь бы богат ты ни был, разве сравнишься с этим типом Ван Цзыфэном? — Ли Цзиндэ скривил губы. — Не смотри, что он твой старший соученик, я и ему в лицо это скажу! Сам Ван Цзыфэн из богатейшего рода, так еще и держит пост Министра финансов, с утра до ночи набивая казну для двора. Каждая война — и мне приходится протягивать к нему руку за серебром да выносить его кислые мины. Настоящая дрянь, а не человек!

Тан Шэнь лишь улыбнулся и промолчал, подумав про себя: «Сегодня же вечером я передам ваши слова моему шисюну, Ли Цзиндэ».

Ли Цзиндэ продолжил:

— У меня никаких иных талантов нет — я умею только воевать, да и прожил полжизни, зная лишь войну. Солдаты нашей Великой Сун и впрямь уступают людям Ляо, но даю слово: через десять, через двадцать лет наша конница ничем не будет им уступать! Однако в эти десять лет каждое сражение будет стоить огромных средств. А победа требует еще больше денег! Так что заботу о пополнении казны я искренне верю вам!

Под ярким солнцем генерал Ли Цзиндэ расплылся в уверенной и открытой улыбке.

Тан Шэнь долго всматривался в лицо молодого генерала, а затем произнес:

— Ли Цзиндэ, признаться, меня одолевает одно любопытство...

— Говори.

— В тот день Его Величество призвал вас на Террасу Восхождения к Бессмертным... Не потому ли, что ваш покорный слуга поступал опрометчиво, поведя вас на постоянный двор к послам Ляо и тем самым навлек на вас неприятности?

Выражение лица Ли Цзиндэ мгновенно стало чрезвычайно выразительным.

— Генерал? — переспросил Тан Шэнь.

— Его Величество, должно быть, отчитал его на чем свет стоит, — раздался сзади чистый, неспешный голос.

Тан Шэнь тут же обернулся. Возле шпалеры, усыпанной ярко-алыми розами, стоял Ван Чжэнь в темно-красном чиновничьем одеянии. Держа в руке складной веер, он с едва заметной усмешкой смотрел на них, а затем перевел взгляд на Ли Цзиндэ.

Ли Цзиндэ потерял дар речи.

Тан Шэнь улыбнулся.

Ого, похоже, передавать ничего не придется — шисюн и так все слышал.

— Кто сказал, что Его Величество отчитал меня на чем свет стоит? Ты что, Ван Цзыфэн, на стропилах висел и своими ушами слышал? — Ли Цзиндэ сначала смутился и вспыхнул, но быстро опомнился и заявил с полной убежденностью: — Опять мелешь что вздумается? Его Величество призвал меня, чтобы наградить за разгром Армии Ляо! Много ты понимаешь!

Ван Чжэнь подошел ближе. Они с Тан Шэнем переглянулись.

Взгляд Тан Шэня заявлял: «Шисюн, он только что ругал тебя, но я молчал и не вмешивался, так что я тут ни при чем».

Ван Чжэнь слегка улыбнулся. Тан Шэнь не вполне разгадал его взгляд, но рассудил, что его вины тут нет, да и Ван Цзыфэн вряд ли станет на него сердиться из-за такой мелочи.

Ван Чжэнь безмятежно:

— Раз Ли Цзиндэ утверждает, будто Его Величество пожаловал тебе награду, то где же она?

Ли Цзиндэ снова лишился слов.

«Чертовы гражданские чинуши, ни одного нормального человека среди вас!»

Энергично махнув рукой, Ли Цзиндэ развернулся и зашагал прочь:

— Ухожу, ухожу! Никакого толку с вами вести беседы.

Лихой силуэт Ли Цзиндэ скрылся в саду Дворца Циньчжэн, хотя Тан Шэню казалось, будто тот попросту сбегает с поля боя. В разговоре с другими чиновниками Ли Цзиндэ еще мог вставить острое словцо. Будучи чиновником второго ранга, он даже мог позволить себе среди ночи накинуть мешок на голову Министра ритуалов Мэн Лана и отколотить его до полусмерти. Но против Ван Цзыфэна у него кишка была тонка. Финансовый приказ ведал жалованьем всей армии, и Ли Цзиндэ уже пытался в прошлом перечить Ван Цзыфэну, да только кончалось это каждый раз весьма плачевно.

Умный человек умеет подчиняться обстоятельствам. Ли Цзиндэ был выдающимся мужем своего времени и, разумеется, прекрасно понимал, когда стоит отступить.

Ван Чжэнь на самом деле просто проходил мимо — с чего бы ему выследивать Тан Шэня или Ли Цзиндэ? Просто идя через сад, он случайно услышал свое имя и остановился послушать пару фраз.

Ван Чжэнь посмотрел на Тан Шэня. Его взгляд был спокойным, а манеры — исполнены благородства.

— Как продвигаются дела у господина Мэна?

Он интересовался, как идут препирательства между Министром ритуалов Мэн Ланом и посольством Государства Ляо. Тан Шэнь ответил:

— Господин Мэн и заместитель министра Юй действуют в полном согласии, так что дело движется вполне успешно.

Ван Чжэнь заметил:

— В любом случае Новый год следует встретить достойно.

Тан Шэнь сразу все понял:

— Шисюн имеет в виду...

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Младший соученик, не желаешь ли зайти сегодня вечером в Резиденцию министра выпить вина?

С тех пор как Мэн Лан официально возглавил приемы посольства Государства Ляо, Тан Шэнь оказался не у дел и каждый день наслаждался досугом, давно подумывая навеститься к Ван Чжэню. Услышав приглашение, он ответил:

— С удовольствием. Снова придется беспокоить шисюна.

С наступлением двенадцатого месяца в Шэнцзине темнело рано, и чиновники покидали ямыни уже с фонарями в руках.

Вернувшись домой, Тан Шэнь переоделся в повседневное платье и отправился в Резиденцию министра. Повар резиденции приготовил стол, уставленный блюдами кухни Цзяннани. По правде говоря, в своей прошлой жизни Тан Шэнь не слишком любил сдержанный вкус цзяннаньской кухни, но в этой эпохе, каждый раз приходя к Ван Чжэню, волей-неволей отламывал по кусочку. К тому же повара для Резиденции министра отбирал лично Клан Ван из Ланъя, и кулинарные умения того были безупречны. Служа ужины вместе с Ван Чжэнем, Тан Шэнь постепенно и сам привык к более тонким вкусам.

Отпочевав, Тан Шэнь, прекрасно знавший изысканные увлечения шисюна, приготовился к досугу.

Развлечений у древних людей было не так уж мало, как представляют современные люди, хотя и не избыточно. С наступлением ночи из-за дороговизны свечей и масла большинство семей сразу ложились спать. Но если кто-то не спал, для забавы играли в тама или устраивали игру в карточки, а любители изящных искусств обращались к цитре, шахматам, каллиграфии и живописи.

Ван Чжэнь до тонкостей владел всеми четырьмя искусствами. Тан Шэнь, будучи наполовину его учеником, стремясь не отставать от высокого тона, нахватался от всего понемногу.

Они прошли в кабинет, где на доске все еще лежала недоигранная полмесяца назад партия.

Увидев расстановку камней, Тан Шэнь тут же поморщился и воззвал о пощаде:

— Шисюн, я сдаюсь.

Ван Чжэнь наигранно удивился:

— Партия еще не окончена, отчего же младший соученик признает поражение?

— С твоей проницательностью ты и сам прекрасно видишь, что эту партию я проиграл. Не лучше ли сыграть новую?

Ван Чжэнь вздохнул:

— Младший соученик слишком недооценивает себя. — С этими словами он начал убирать

камни. — Что ж, сыграем еще одну.

Тан Шэнь подумал про себя: «Тебе непременно нужно досмотреть, как ты разобьешь меня влук и прах? Что за злая забава!»

Вот уж странные у человека пристрастия!

Раньше, играя с Ван Чжэнем, они всегда вели игру на равных — как два соперника одинакового уровня, без каких-либо скидок. Однако сегодня Тан Шэнь предложил:

— Шисюн, я хочу сыграть в игру с форой. Дашь мне вперед пять камней?

<http://bllate.org/book/18292/1754630>